

Сергей Яковлевич Карп

Фридрих Мельхиор Гримм и его «Литературная корреспонденция» в России XVIII-XIX веков

<1>

Сегодня имя Фридриха Мельхиора Гримма (1723-1807) мало о чем говорит неспециалистам; более того, услышав его, людям обычно приходят на ум его однофамильцы братья Гримм – собиратели и издатели знаменитых сказок, основоположники германской филологии, работавшие над созданием первого этимологического словаря немецкого языка. Между тем, эта фигура заслуживает пристального внимания. Этому уроженцу Регенсбурга, воспитаннику Лейпцигского университета, ученику Готшеда, затем – энциклопедисту, другу Дидро и Гольбаха, позднее – доверенному лицу Екатерины II – было суждено стать одной из ключевых фигур в культурных связях России и Западной Европы второй половины XVIII века. Он дважды – в 1773-1774 и 1776-1777 гг. – посетил Россию, установил и поддерживал многолетние доверительные отношения с императрицей и некоторыми другими представителями российской элиты¹.

Благодаря его посредничеству мы можем сегодня читать книги и рукописи, принадлежавшие Вольтеру и Дидро, в Российской национальной библиотеке, любоваться «лоджиями Рафаэля» в Эрмитаже или безупречными пропорциями зданий, возведенных Кваренги в Петербурге и Москве.

<2>

Однако имя Гримма вписано в историю европейской культуры прежде всего в связи с тем, что на протяжении 20 лет (с мая 1753 г. по февраль 1773 г.) он руководил известнейшим рукописным журналом эпохи Просвещения – «Литературной корреспонденцией», статьи для которой, помимо него самого, писали такие люди, как Дидро, аббаты Рейналь и Галиани, мадам д'Эпине и другие. Журнал рассылался по подписке два раза в месяц полтора десяткам монархов Европы, в том числе (с 1764 г.) Екатерине II. В своей статье я предполагаю рассказать об истории контактов Гримма с Россией до его приезда в Петербург, прояснить, какую роль сыграла его репутация как редактора «Литературной корреспонденции» в его приеме при петербургском дворе, проследить историю рукописей екатерининского экземпляра «Литературной корреспонденции». Особое внимание я постараюсь уделить образу Гримма в российской культуре XIX в.

¹ См., напр.: Шлобах Й. Фридрих Мельхиор Гримм и Екатерина II // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2000. С. 59-63; Stroev A. Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755- 1804 // La Culture française et les archives russes / Éd. G. Dulac. Ferney-Voltaire, 2004. P. 55-81.

<3>

Как известно, 28 июня 1762 г. Екатерина II пришла к власти, совершив государственный переворот, стоивший жизни ее супругу Петру III. Чтобы закрепить в умах свое право на престол, она сразу же попыталась привлечь на свою сторону общественное мнение Европы. Поскольку философы-просветители и их единомышленники представляли собой реальную силу в европейском масштабе, Екатерина II обратилась к ним. Союз императрицы и философов был продиктован не только желанием Екатерины приобрести репутацию просвещенной монархини и т.н. «русским миражом»² -- якобы внезапным ослеплением многих философов и литераторов, провозгласивших ее «Семирамидой Севера». На самом деле, уже первые самостоятельные шаги Екатерины в роли императрицы были отмечены духом Просвещения. Перечислю лишь некоторые из них: манифестами 1762 и 1763 гг. в страну были приглашены иностранные мастера и фермеры-переселенцы, которым предлагалось основать колонии, поднять целинные земли и внести свой вклад в «цивилизацию» России; проповедь религиозной терпимости сопровождалась секуляризацией церковных имуществ (1764); на конкурсе Вольного экономического общества 1765-1766 гг. впервые был поднят вопрос о крестьянской собственности (т.е. фактически о пределах крепостного права); была созвана Комиссия для составления нового уложения на основе екатерининского «Наказа» (1767), опиравшегося, в свою очередь, на идеи Монтескье и Беккарии; правительство заказало переводы на русский язык многих статей из «Энциклопедии»³ и способствовало их распространению. Французские просветители, со своей стороны, использовали «русский пример», чтобы критиковать политику французской монархии, преследование гугенотов, аресты авторов-вольномудцев, препятствия, чинимые в их издательской и литературной деятельности. Екатерина II была тем более заинтересована в их оппозиции французским властям, что в своей внешней политике ей приходилось сталкиваться с враждебностью правительства Людовика XV, не желавшего мириться с установлением фактического протектората России над Польшей (особенно с 1764 г., со времени избрания королем Станислава Августа Понятовского). Чтобы заручиться поддержкой литературных и «философских» кругов Парижа, Екатерина II не жалела ни времени, ни сил. Едва взойдя на престол, она уже в августе-сентябре 1762 г. предложила Дидро и Д'Аламберу перенести печатание «Энциклопедии» в Ригу или в любой другой город своей империи по их выбору; практически в то же самое время она пригласила Д'Аламбера в Россию, заявив о своем желании доверить ему воспитание своего сына и наследника Павла. Эти сенсационные предложения были вежливо отклонены, но оценены по достоинству. В 1763 г. Екатерина вступила в переписку с Вольтером. Первые контакты Вольтера с Россией (с 1745 г.) шли через И.И. Шувалова, одного из самых просвещенных русских государственных деятелей середины XVIII в., основателя

² См.: Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001.

³ См. Denny J.H., Mitchell P.M. Russian translations of the *Encyclopédie* // Notable encyclopedias of the late eighteenth century: eleven successors of the *Encyclopédie* / Ed. By F.A. Kafker. Oxford, 1994 (SVEC. Vol. 315). P. 335-386.

Московского университета и Академии художеств. Однако Екатерина недолюбливала этого свидетеля тех унижений, которым она подвергалась при дворе Елизаветы Петровны, и не доверяла ему. Поэтому вскоре после ее прихода к власти Шувалов оказался в опале и уехал за границу, а роль посредника в отношениях императрицы с философами играли уже другие люди.

<4>

Джованни Микеле Одар (ок. 1719—ок. 1773), пьемонтец, оказывал ей услуги при подготовке государственного переворота 1762 г. Именно ему затем было поручено написать Д'Аламберу и пригласить его в Россию⁴. Франсуа Пьер Пикте (1728-1798) по прозвищу Великан, женевец, приехавший в Россию в 1762 г. также сумел снискать расположение императрицы; будучи корреспондентом Вольтера, он описывал ему восшествие на престол Екатерины в самых благоприятных для нее красках, а также пытался убедить Д'Аламбера принять ее приглашение⁵. Иван Иванович Бецкой (1704-1795) пользовался полным доверием Екатерины; в 1758-1761 гг. жил в Париже, посещал салон мадам Жоффрен, а с 1763 г. сменил Шувалова во главе Академии художеств⁶. Наконец, заслуживает упоминания и Людвиг Генрих (Андрей Львович) Николаи (1737-1820), молодой человек, уроженец Страсбурга, познакомившийся с Дидро в Париже в 1761 г. Он получил в 1762 г. место секретаря у князя Д.М. Голицына в российской дипломатической миссии в Вене и вскоре оказался посредником в отношениях Одара с Д'Аламбером (по иронии судьбы он сам в 1769 г. станет наставником великого князя Павла Петровича, а в 1798 г. – президентом Императорской Академии наук)⁷. Тем не менее, ни один из этих людей не был достаточно близок к парижским «философским» кругам и поэтому не подходил на роль ключевого посредника в отношениях с ними.

Князя Голицыны и подписка Екатерины II на «Литературную корреспонденцию» Гримма

<5>

Ситуация стала меняться после назначения в сентябре 1762 г. князя Дмитрия Алексеевича Голицына поверенным в делах, а в августе 1763 г. – чрезвычайным и полномочным посланником России во Франции. Он жил в Париже в 1760 г., а до этого служил волонтером во французской армии во время Семилетней войны. В октябре 1762 г. Дидро упомянул о нем в своем письме Софи Воллан как о человеке, который не нуждается в представлении⁸. Спустя несколько месяцев

⁴ *D'Alembert. Correspondance generale*. Paris, 2009. Т. I. N 62.18, 62.22.

⁵ D10650, D11201; *Les Pictet dans la correspondance de Voltaire et Rousseau avec une lettre a D'Alembert*. Geneve, 2008. P. 17-18.

⁶ См. о нем: *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.

⁷ См. *Heier E.* L.H. Nicolay (1737-1820) and his contemporaries. The Hague, 1965. P. 21-25.

⁸ *Dulac G.* Grimm et la *Correspondance litteraire* envoyee a Catherine II (d'apres les lettres de Dimitri Golitsyn et de F.M. Grimm au vice-chancelier Alexandre Golitsyn) // *SVEC*. Vol. 217. Oxford, 1983, P. 209; *Idem., Evdokimova L.*

Екатерина поручила Голицыну найти для нее в Париже литературного корреспондента, то есть человека, способного регулярно снабжать ее качественными новостями о культурной жизни столицы просвещенной Европы (практика, получившая широкое распространение в XVIII в.)⁹. В поисках нужного человека Голицын обратился к Д'Аламберу, а тот порекомендовал ему Гримма¹⁰. Решение о подписке Екатерины на «Литературную корреспонденцию» Гримма было принято в конце 1763 г. и стало отправным пунктом их отношений.

<6>

Гримм, со своей стороны, уже несколько месяцев готовил почву для такого развития событий. С начала 1763 г. его журнал всячески рекламировал лестные предложения, сделанные императрицей энциклопедистам¹¹. В тот момент круг подписчиков «Литературной корреспонденции» был достаточно ограничен: Каролина, ландграфиня Гессен-Дармштадская (с 1754 г., платила 600 ливров в год); Луиза Доротея, герцогиня Саксен-Готская (с 1754 г., платила 600 ливров в год); Софи Эрдмут, принцесса Нассау-Саарбрюккенская (не ранее, чем с 1757 г.); Луиза Ульрика, королева Швеции (с 1760 г., 1200 ливров); ее брат, Фридрих II, король Пруссии (получал «Литературную корреспонденцию» с 1763 г., но ничего не платил); барон Ганс Адам фон Штудниц, гофмаршал герцога Саксен-Гостского, читал «Литературную корреспонденцию» как минимум с 1763 г., но оплачивал лишь расходы по копированию¹².

<7>

Екатерина II показала себя более щедрой, чем все остальные подписчики, и вместо 1200 ливров – суммы, названной Д'Аламбером и несомненно согласованной с Гриммом, – стала платить 1500 ливров в год. Решение императрицы стать подписчицей «Литературной корреспонденции» обеспечило журналу и дополнительный престиж. История доставки его номеров (выпусков) в Петербург была достаточно подробно изучена Ж. Дюлаком¹³. Поначалу Гримм каждые две недели доставлял их в российское посольство в Париже, а Д.А. Голицын дипломатической

Litterature et politique: la correspondance de Dmitri A. Golitsyn // DHS. N 22. 1990. P. 369-402. См. перечень работ, посвященных Д.А. Голицыну, в статье: *Карп С.Я.* Князь Д.А. Голицын и первый каталог живописи Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LVI: Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 2011. С. 64-65, прим. 1-2. Из последних работ см. *Duquenne X.* Le prince Dmitri Galitzine (1734-1803) et la Belgique, avec son discours inédit en vue du développement des beaux-arts en Russie // *Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art.* 2013. Vol. 82. P. 105-134; *Шарнова Е.Б.* О создании языка истории искусства в России: Описание знаменитых произведениями школ и вышедших из оных художников и проч. князя Д.А. Голицына // Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп. Вып. V. М., 2015. С. 337-360.

⁹ См. L'Entente culturelle. L'Europe des correspondances littéraires / Sous la dir. d'U. Kölving et F. Tilkin. Ferney-Voltaire, 2015.

¹⁰ См. *Dulac G.* Grimm et la *Correspondance litteraire* envoyee a Catherine II. P. 208.

¹¹ *Correspondance litteraire, philosophique et critique* par Grimm, Diderot, Raynal, Meister et al. / Éd. M. Tourneux. Paris, 1878. T. V. P. 198-200; *Kolving U., Carriat J.* Inventaire de la *Correspondance litteraire* de Grimm et Meister. Oxford, 1984 (SVEC. Vol. 225- 227). 63: 024, 63: 025; 63: 031.

¹² *Grimm F.M.* *Correspondance litteraire* / Sous la dir. d'U. Kölving. Ferney-Voltaire, 2006. T. I. P. XXIX-XXXIII.

¹³ *Dulac G.* Grimm et la *Correspondance litteraire* envoyee a Catherine II.

почтой пересылал их в Петербург своему кузену вице-канцлеру А.М. Голицыну (1723–1807), который и передавал их лично императрице. Таким образом именно вице-канцлер стал человеком, ответственным за доставку «Литературной корреспонденции» Екатерине II. В 1764 г. Grimm начал напрямую переписываться с ним, и их переписка стала важным каналом общения между парижскими «философскими» кругами и Екатериной II: императрица читала письма Grimma, адресованные вице-канцлеру, и порой на полях оставляла свои инструкции. Судя по этим письмам, Grimm стремился, с одной стороны, удержать внимание императрицы к «Литературной корреспонденции» и даже выражал готовность приспособить содержание своего журнала к ее вкусам; с другой стороны, он всячески выражал стремление быть ей полезным и в любой другой форме, оказывать любые услуги¹⁴. Важнейшей из них в тот период стало посредничество при покупке библиотеки Дидро в 1765 г.¹⁵

Эволюция деятельности Grimma в конце 1760-х – начале 1770-х годов

<8>

Между тем, политическая конъюнктура менялась. Все более активное вмешательство Екатерины в польские дела возмущало Версальский двор: Шуазель поддерживал барских конфедератов, подталкивал Османскую империю к войне с Россией. Рост напряженности в отношениях между Францией и Россией привел к снижению уровня дипломатического представительства: в конце августа 1767 г. было решено, что полномочного министра сменил в Париже поверенный в делах. Дальнейшее ухудшение русско-французских отношений заставило Д.А. Голицына покинуть Париж в конце января 1768 г. Grimmu пришлось искать новый надежный канал доставки «Литературной корреспонденции», причем выяснилось, что с осени 1767 г. и до 1770 г. ее выпуски, передававшиеся Grimмом в Париже поверенному в делах Н.К. Хотинскому, перехватывались по распоряжению Версальского двора. Grimm понял это в начале 1768 г. и с этого момента вынужден был обдумывать, какие материалы включать в экземпляр выпуска, отсылаемый в Петербург: некоторые тексты, помещавшиеся в «Литературной корреспонденции» – письма Вольтера, «Салон 1767 года» Дидро – вполне могли скомпрометировать его в глазах французских властей. В конце 1770 г. он сумел наладить пересылку выпусков, предназначавшихся Екатерине II, через Готу и Берлин¹⁶, однако в итоге оказался в

¹⁴ См. его письмо А.М. Голицыну от 4 апреля 1765 г. (Сборник РИО. СПб., 1881. Т. XXXIII. С. 4).

¹⁵ О том, какое впечатление произвела эта покупка на общественное мнение Франции, см.: *Desné R. Quand Catherine II achetait la bibliothèque de Diderot // Themes et figures du siècle des Lumières. Melanges offerts a Roland Mortier / Éd. par R. Trousson. Geneve, 1980. P. 73-94.* Дидро отблагодарил Екатерину, организовав приглашение в Россию Фальконе, прославившегося затем статуей Петра, многих других мастеров и специалистов (напр. Мерсье де Ла Ривьера, администратора-физиократа); именно Дидро взял на себя опеку пенсионеров Академии художеств, приезжавших в Париж; именно при его посредничестве (а также посредничестве Д.А. Голицына) в 1771-1772 гг. были приобретены для Эрмитажа коллекция Кроза-Тьера и многие другие шедевры.

¹⁶ *Grimm F.M. Correspondance inedite / Éd. par J. Schlobach. Munchen, 1972. P. 215-216.*

парадоксальной ситуации.

<9>

С одной стороны, его дела, казалось бы, обстояли совсем неплохо: его «предприятие» (*ma boutique*, как он называл его) набирало обороты, он получал около 9 тыс. ливров в год от дюжины коронованных подписчиков¹⁷. С другой стороны, ему приходилось оплачивать услуги копиистов (ок. 3000 ливров в год), некоторые подписчики тянули с уплатой, некоторые другие в 1771 г., во время его отъезда в Англию, прекратили подписку. Задержки с отправкой очередных номеров учащались по мере того, как Гримм все больше времени уделял частным поручениям своих высокопоставленных контрагентов и покровителей, их матримониальным планам, приему их отпрысков в Париже, сопровождению их в поездках по Европе...

Знакомство с императрицей. Екатерина II читает «Литературную корреспонденцию»

<10>

Именно в этих условиях состоялась первая поездка Гримма в Россию. Осенью 1773 г. он прибыл в Петербург в свите Людвига, наследного принца Гессен-Дармштадского, спешившего на свадьбу своей сестры Вильгельмины с великим князем Павлом Петровичем (при переходе в православие она приняла имя Наталья Алексеевна). Гримм состоял при нем в качестве ментора. Мать принца, ландграфиня Каролина Гессен-Дармштадская, а также вскоре и сама императрица успели оценить Гримма как эксперта во всем, что касается вопросов образования и воспитания молодых людей из знатных фамилий, приятного и остроумного собеседника, человека, умеющего себя вести при дворе, но, разумеется, и как составителя и редактора «Литературной корреспонденции». К тому же он прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от принца Генриха Прусского, к которому Екатерина II испытывала искреннее уважение. Принц рекомендовал Гримма императрице как «человека достойного», «уже имевшего счастье быть известным В. И. В. своими *feuilles littéraires*», отличающегося «умом и воспитанностью, тактом и скромностью, то есть всеми качествами порядочного человека, которые доставляют удовольствие в беседе с ним и внушают к нему доверие»¹⁸. Эта характеристика вероятно сделала первые беседы императрицы с Гриммом более непринужденными¹⁹. Однако Екатерина имела собственные причины радушно принять Гримма при своем дворе. Гораздо позднее, в феврале 1780 года, отвечая на письмо Гримма, в котором он с горечью отзывался о своем ремесле журналиста, императрица возразила ему: «если вы считаете вздором и болтовней все тексты, которые вы посылали мне на протяжении восьми лет, предшествовавших вашему приезду [в Петербург], вы <...> глубоко заблуждаетесь, поскольку чтение этих листков доставляло мне

¹⁷ См. их перечень: *Grimm F.M. Correspondance littéraire / Sous la dir. d'U. Kölvig. T. I. P. XXXII-XXXIV.*

¹⁸ См. письмо принца Генриха Прусского Екатерине II от 5 августа 1773 г. (РГАДА. Ф. 4. № 135. Л. 59-60).

¹⁹ См. письмо Гримма мадам Жоффрен от 10 ноября 1773 (*Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister et al. / Éd. M. Tournoux. Paris, 1882. T. XVI. P. 492-497.*)

огромное удовольствие, и именно по этой причине господин *souffre-douleur* был [хорошо] принят...»²⁰.

<11>

К.В. Гольцова, приступившая к сравнительному изучению хроник культурной жизни, посылавшихся из Парижа Санкт-Петербургскому двору во второй половине XVIII века, обнаружила немало следов чтения, оставленных Екатериной II на ее экземпляре «Литературной корреспонденции» Гримма. В большинстве случаев это подчеркивания или капли свечи. Но есть и замечания на полях. Вот лишь один пример. В выпуск от 1 августа 1766 г. Гримм поместил рецензию на «Трактат о допустимых военных хитростях, или Рассуждения о Полиэне и Фронтине с замечаниями о Фарсале и Арбелах» [«*Traité des stratagèmes permis à la guerre, ou Remarques sur Polyen et Frontin, avec des observations sur les batailles de Pharsale & d'Arbelles*»]. Этот трактат, опубликованный в Меце в 1765 г., вышел из под пера Поля Жедеона Жоли де Мезруа (Paul Gédéon Joly de Maizeroy) (1719–1780), подполковника французской пехоты, ставшего известным эллинистом, избранным 10 лет спустя в Академию надписей и изящной словесности. Гримм пишет: «Больше всего меня поразило в этом сочинении наблюдение автора, что в период упадка Римской империи, когда [военное] искусство и дисциплина вырождались, стало вдруг очень модным писать о войне». Конец этой фразы подчеркнут красным карандашом (Екатерина именно таким образом выделяла пассажи, привлекавшие ее внимание), а ниже мы видим ее собственноручное замечание, написанное черным карандашом: «*C'est ce que nous voïons à présent en France*» [«Это именно то, что мы видим сейчас во Франции»]. Это замечание довольно любопытно, поскольку оно показывает, что Екатерина в 1766 г., с одной стороны, была убеждена, что Франция (в том числе ее военное искусство и дисциплина в ее армии) находится в состоянии упадка, а с другой стороны не слишком уважала сочинения на военные темы.

<12>

К середине 1770-х годов Гримм отошел от журналистской карьеры и редактирования «Литературной корреспонденции» (в конце 1776 г. он отозвался об этой работе как о «неблагодарном ремесле, которому, тем не менее, я обязан всем своим счастьем»²¹), чтобы стать придворным, дипломатом, агентом сильных мира всего, наконец, доверенным лицом Екатерины II. Составление и редактирование выпусков было возложено им на его прилежного помощника Якоба Генриха Майстера (Мейстера) (1744-1826). Между тем, Екатерина, всегда ценившая преданность Гримма и его способность оказывать ей ценные и самые разнообразные услуги, парадоксальным образом сожалела о его решении оставить редактирование «Литературной корреспонденции». «Г-н Майстер – не г-н Гримм, он более серьезен и менее способен

²⁰ Сборник РИО. СПб., 1878. Т. XXIII. С. 172.

²¹ Сборник РИО. СПб., 1885. Т. XLIV. С. 6.

удерживать интерес читателя», писала она Гримму 20 сентября/1 октября 1775 г.²² В мае 1778 г. она вновь возвращается к этой теме: «Я уже тысячу раз говорила вам и вновь повторяю, что ваш преемник на литературном поприще вам неровня; чтение [его писаний] ничего не дает мне; в них нет той интеллектуальной дерзости, которая воспитывает вкус и ум, которая не нуждается в доказательствах и заставляет умолкнуть даже тех, кто с вами не согласен.»²³

<13>

Несмотря на весь интерес Екатерины II к «Литературной корреспонденции», мы не располагаем фактами, позволяющими утверждать, что ей хотелось разделить удовольствие от чтения этого журнала с кем-нибудь из своих приближенных. Ж. Дюлак показал, что во французском переводе сочинения И.И. Бецкого «Учреждения и Уставы, касающиеся до воспитания в России обоюбого пола юношества» (1774), выполненном д-ром Клером и изданном усилиями Дидро в Амстердаме у Марка Мишеля Рея в 1775 г., присутствует XVI «политический фрагмент» Дидро «Sur la Russie», почерпнутый из «Литературной корреспонденции» 1772 г. и превращенный в своего рода программную декларацию Екатерины II²⁴. Возможно, Бецкой, пользовавшийся доверием Екатерины, руководивший ее образовательными учреждениями и Академией художеств, действительно был ознакомлен с текстом этого фрагмента. С другой стороны, переписка Гримма с представителями российской аристократии не позволяет утверждать, что он распространял среди них тексты «Литературной корреспонденции». Существование т.н. «второго» экземпляра «Литературной корреспонденции» с собственноручной правкой Гримма (отрывки из выпусков за 1766 г., главным образом – «Салон 1765 года» Дидро), отложившегося в РГАДА в фонде РИО²⁵, могло бы служить косвенным свидетельством подобного распространения; однако речь может идти также и о дубликате, изготовленном, чтобы покрыть лакуны в екатерининском экземпляре (образовавшиеся, например, из-за перехвата русской дипломатической почты, отправлявшейся из Франции), или о копии.

Судьба екатерининского экземпляра «Литературной корреспонденции»

<14>

После смерти Екатерины II (1796) и воцарения Павла I подписка на «Литературную корреспонденцию» была прекращена: в московском – екатерининском – экземпляре отсутствуют даже выпуски 1792-1795 гг., а период 1796-1797 гг. представлен двумя фрагментами²⁶. В итоге некоторые рукописи из этого экземпляра были утрачены, а остальные попали неведомым путём в

²² Сборник РИО. Т. XXIII. С. 36.

²³ Там же. С. 89.

²⁴ Dulac G. *Les Mélanges philosophiques pour Catherine II: un essai de réhabilitation* // *Diderot Studies*. 2013. Vol. 33. P. 59-60.

²⁵ РГАДА. Ф. 1292. № 164.

²⁶ Майстер продолжал отправлять в Петербург свои бюллетени как минимум до конца 1803 (*Grimm F.M. Correspondance littéraire / Sous la dir. d'U. Kölving*. Т. I. P. LXI).

частные руки и были куплены в 1842 г. (в 24 частях) князем Михаилом Андреевичем Оболенским (1805-1873), исполняющим должность управляющего Московским главным архивом Министерства иностранных дел, МГАМИД²⁷. В том же году Оболенский передал в этот архив первые 20 частей (кроме 18-й) всего собрания, названного «Mémoires de Grimm». Пять оставшихся частей были найдены в доме Оболенского (на Арбате, № 14, не сохранился) после его смерти в 1873 г.²⁸ Учитывая, что Оболенский завещал всю свою библиотеку и все свои рукописи МГАМИД, который он возглавлял до самой своей смерти, не исключено что он купил екатерининский экземпляр за свой счет.

Русские читатели первых изданий «Литературной корреспонденции»

<15>

Если рукописи екатерининского экземпляра «Литературной корреспонденции», находившиеся в России, более чем на полвека выпали из поля зрения современников, то ее первые издания, выходявшие во Франции с начала XIX столетия, нашли в России заинтересованных читателей. В.Э. Вацуру в своем исследовании о русских знакомствах Хораса Уолпола, с которого начинается последняя его книга, справедливо замечает, что «Литературная корреспонденция» Гримма стоит в первом ряду изданных литературных документов эпохи энциклопедистов, привлечших заинтересованное внимание русских литераторов²⁹.

<16>

Первое русское упоминание о первом издании «Литературной корреспонденции» (за 1753-1769 гг., подготовлено Ж.Ф. Мишо и Ф. Шероном, вышло в Париже в 6 томах у Лоншана и Бюиссона в 1813 г.; за 1770-1782 гг., подготовлено Ж.Б. Сальгом, вышло в 5 томах у Бюиссона в 1812 г.) мы обнаруживаем у Ивана Ивановича Дмитриева (1760-1837), поэта и баснописца, прозванного друзьями «российским Лафонтеном», но также государственного деятеля эпохи Александра I: он был сенатором, членом Государственного совета, министром юстиции (1810-1814). В своем письме Александру Ивановичу Тургеневу (о котором речь пойдет дальше) от 18 сентября 1818 г. Дмитриев упоминает об издании «нескольких толстых томов писем» Гримма, в которых тот «говорил о драмах и балах, о Вольтере и об интригах, о сплетнях и политике»³⁰. Любопытно, что

²⁷ В настоящее время фонды этого архива разделены между Архивом внешней РГАДА и АВПРИ. Екатерининский экземпляр «Литературной корреспонденции», купленный М.А. Оболенским, хранится в РГАДА (Ф. 181. № 1433). Его первое научное описание было выполнено Ж. Дюлаком: *Dulac G. Le manuscrit de Moscou // La Correspondance littéraire de Grimm et Meister (1754-1813). Actes du colloque de Sarrebruck (22-24 février 1974) / Éd. par V.Bray. J.Schlobach et J.Varloot. Paris, 1976. P. 107-111).*

²⁸ Подробнее см. *Карл С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 171.*

²⁹ *Вацуру В.Э. Готический роман в России. М., 2022. С. 30–31.*

³⁰ *Дмитриев И.И. Избранные письма. München, 2006. С. 10* (<http://imwerden.de/pdf/dmitriev_izbrannye_pisma.pdf>, обращение 26.05.2015). По изд. *Дмитриев И.И. Сочинения / Сост. и коммент. А.М. Пескова и И.З. Сурат. Вступ. ст. А.М. Пескова. М., 1986.*

того же А.И. Тургенева (1784-1845), историка и литератора, Дмитриев прозвал «маленьким Гриммом» или «пилигримом», поскольку тот много путешествовал, проводил немало времени во Франции, Италии, Англии и вел систематическую переписку, в которой информировал российское общество обо всех литературных новинках Европы и самой России (новых произведениях Жуковского, Пушкина и др.)³¹. Корреспонденции Тургенева, публиковавшиеся еще при жизни его в русских журналах (от «Московского телеграфа» в 1827 г. до «Москвитянина» в 1845 г.), представляют собой, как известно, важный литературный памятник второй четверти XIX в.

<17>

Князь П.А. Вяземский (1792-1878), поэт, мемуарист и литературный критик, друг И.И. Дмитриева, А.И. Тургенева, а также А.С. Пушкина был знаком с первым изданием «Литературной корреспонденции» 1770-1782 гг., вышедшим у Бюиссона в 1812 г. (во всяком случае пролистывал его): в письме Тургеневу от 8 ноября 1818 г. он, ссылаясь на Гримма, упомянул анекдот об А.П.Сумарокове³², включенный Гриммом в декабрьский выпуск «Литературной корреспонденции» за 1770 г. и опубликованный впервые именно в этом издании³³.

«Литературная корреспонденция» в русской цензуре

<18>

Приложение к первому изданию «Литературной корреспонденции» Гримма, вышедшее в Париже в 1829 г. (у Фурнье-младшего, под редакцией Ф. Шерона и Л.Ф. Тори) удостоилось внимания российской цензуры. В августе 1829 г. цензор Гавриил Рафаилович Дукшта-Дукшинский (1799-?), дворянин, католик, выпускник Полоцкой иезуитской Академии, представил Санкт-Петербургскому комитету цензуры иностранной обширный рапорт (№ 300 за 1829 г.) о книге: «Correspondance inedite de Grimm et de Diderot et recueil de lettres, poesies, morceaux et fragments retranches par la censure imperiale en 1812—1813» (Paris, 1829). Обширные фрагменты из этого рапорта были опубликованы И.Я. Айзенштоком в его работе «Французские писатели в оценках царской цензуры»³⁴, на которую в данном случае я опираюсь. Итак, цензор писал:

<19>

Переписка Гримма, Дидерота, статьи, запрещенные цензурою,—вот заглавие

³¹ См., напр., письмо И.И. Дмитриева П.А. Вяземскому от 5 января 1833 (*Дмитриев И.И. Избранные письма*. С. 24), а также «Старую записную книжку» Вяземского (*Вяземский П.А. Полное собрание сочинений / Подг. С.Д. Шереметев*. СПб., 1899. Т. I. С. 141).

³² Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. С.Д. Шереметева под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899. Т. I. С. 141.

³³ *Correspondance litteraire, philosophique et critique, adressée à un souverain d'Allemagne, depuis 1770 jusqu'en 1782, par le baron de Grimm et par Diderot*. Paris, 1812. Т. I. P. 360-362.

³⁴ *Литературное наследство*. Т. 33/34. М., Л. 1939.

заманчивое для толпы ветреных читателей, но ужасающее благомыслящего человека. Можно ли ожидать какой-либо пользы от сочинении корифеев безбожия?—Издатель предвидел сей вопрос и, признаваясь откровенно в том, что его герои исповедуют и обнаруживают бесстыдно правила атеизма и материализма, он спешит уверить, что их сочинения теперь не только уже не вредны, но и служат к утверждению истины: «Религия победила противников более серьезных, чем Гримм и Дидро, и мы не только полагаем, что их писания не представляют никакой опасности, но даже убеждены, что содержащиеся в них многочисленные и ощутительные непоследовательности могут только содействовать триумфу истины» (стр. X). Так верно г. издатель принял на себя труд показать неосновательность их мнения? Ни мало. «Не давая оценки их мнению,— говорит он (стр. XI),—мы не старались ни смягчать, ни опровергать даже такие из них, ложность и опасное преувеличение которых были доказаны опытом». Из 59 статей, составляющих ее содержание, большая часть относится до религии; в прочих рассуждается о политических и других менее важных предметах. Правила так называемых философов XVIII в. вообще и, в особенности, мнения Дидерота и Гримма довольно известны. Самое бесстыдное безверие, отвратительное кощунство, материализм и вражда к монархическому правлению, составляющие отличительные качества их сочинения, обнаруживаются и в настоящей их переписке.

<20>

Приводя затем несколько отрывков, «подающих понятие о ее духе» и иллюстрирующих высказанные выше положения, цензор продолжал:

<21>

Мысли о политике основаны здесь на понятиях, изображенных в известной книге Жан-Жака Руссо «Le contrat social», но мы почитаем излишним приводить оные, поелику безбожие и кощунство, наполняющие сию книгу, уже слишком достаточны к строжайшему оной запрещению³⁵.

<22>

В итоге Санкт-Петербургский комитет цензуры иностранной постановил книгу запретить с такой формулировкой: «с выдачей по разрешению Главного управления цензуры лицам известным»³⁶.

Пушкин и Гримм

<23>

Мы обнаруживаем издание «Литературной корреспонденции» 1829 г., столь сурово осужденное цензурой, а также следующее ее издание, осуществленное Ж. Ташеро в 15 томах в 1829-1831 гг., в личной библиотеке Пушкина, описанной Б.Л. Модзалевским, основателем Пушкинского дома.

³⁵ Цит. по: Французские писатели в оценках царской цензуры / Очерки И. Айзенштока. Публикация материалов Л. Полянской и И. Айзенштока // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 781-782.

³⁶ Там же. С. 786, прим. 40.

Страницы первого из них (№ 832) разрезаны, но не содержат читательских помет. Что же касается экземпляра издания Ташеро (№ 831), то знакомство с ним показывает, что Пушкин читал «Литературную корреспонденцию» того периода, когда ее редактировал Гримм, а затем просматривал только некоторые места, в которых речь шла о России и русской литературе: в первых десяти томах разрезаны все страницы, том XI не разрезан вовсе, в томе XII разрезаны лишь несколько мест по 2-5 страниц, в XIII-XV томах разрезаны отдельные места, в том числе в томе XIII – о пьесе Дефоржа «Feodor et Lizanka ou Novogorod sauvé» и в томе XV – о «Сказке о царевиче Февее» («Le Czarowitz Feveh. Second conte russe») Екатерины II. Читательские пометы также отсутствуют³⁷.

<24>

В письме жене Наталье Николаевне от 17 апреля 1834 г., отправленном из Петербурга в Москву, Пушкин замечает: «Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма...». Речь идет скорее всего именно о «Литературной корреспонденции».

<25>

Мы располагаем и другими свидетельствами интереса Пушкина к Гримму. Во-первых, он, как и многие его образованные современники, интересовался предметом конфликта Руссо с энциклопедистами, широко известного современникам по «Исповеди» Руссо. Конфликт этот, имевший личные, стилистические и идеологические причины (Руссо, в отличие от Дидро и Гримма, считал себя анахоретом, человеком естественным, противостоящим фальшивым ценностям культуры и «света») был шутивно обыгран Пушкиным в I главе «Евгения Онегина», в описании кабинета Евгения – «философа в осьмнадцать лет»:

<26>

Строфы XXIV-XXV

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.

Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,

³⁷ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 214.

Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.

<27>

Как замечает Ю.М. Лотман, стихи дополняют стилистический конфликт идеологическим: вводится резкое высказывание Руссо против моды (с приведением в примечаниях цитаты из «Исповеди» Руссо в подлиннике³⁸). Сталкиваются две резко противоположные оценки Руссо: «защитник вольности и прав» и «красноречивый сумасброд» — «un charlatan déclamateur» из эпилога «Гражданской войны в Женеве» Вольтера³⁹. В любом случае, в данном конфликте Руссо и Гримма Пушкин определенно выступает на стороне Гримма.

<28>

Наконец, еще одно, более позднее упоминание Пушкина о Гримме любопытно именно своим контекстом. Оно связано с работой Пушкина над статьей «Александр Радищев»: черновая редакция ее была закончена в апреле 1836 г. и предназначалась для третьей книги «Современника». Опубликована же она была впервые П.В. Анненковым в дополнительном томе «Сочинений Пушкина» в 1857 г. В этой статье Пушкин использует в частности «Житие Федора Васильевича Ушакова» — небольшое произведение Радищева, вышедшее в 1789 г. за несколько месяцев до появления «Путешествия из Петербурга в Москву». Ф.В. Ушаков — товарищ Радищева по Лейпцигскому университету, умерший в 1770 г. на двадцать третьем году жизни. В «Житии» Радищев рассказывает, в частности, о своей дружбе с Ушаковым во время их пребывания в Лейпцигском университете и об их круге чтения. При этом он, восторженно отозвавшись о книге Гельвеция («сию книгу читали со вниманием, и в одной мысли научались»), делает примечание:

³⁸ «Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.» (*Confessions de J. J. Rousseau*) [...все знали, что он белится; я сперва не верил этому, но потом поверил — не только потому, что цвет лица у него стал лучше и что я сам видел чашки с белилами на его туалете, но и потому, что, войдя однажды утром к нему в комнату, застал его за чисткой ногтей особой щеточкой, и он с гордостью продолжал это занятие при мне. Я решил, что человек, способный проводить каждое утро по два часа за чисткой ногтей, может также посвящать несколько минут на то, чтобы покрывать свою кожу белилами» (*Руссо Ж.Ж. Избр. соч. М., 1961. Т. 3. С. 407-408*)].

³⁹ Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. СПб., 1995. С. 571.

<29>

Г. Грим в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи с каким прилежанием мы читали Гельвециеву книгу о разуме, по возвращении своем в Париж сказывал о сем Гельвецию⁴⁰.

<30>

Пушкин возвращается к этому эпизоду, но интерпретирует его по-своему:

<31>

Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою «О Разуме» и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии [то есть кружка энциклопедистов – СК]. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастию, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытым учением гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях и навек утратило прелесть таинственности и новизны. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидерота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими⁴¹.

<32>

Таким образом, в данном случае Гримм предстает у Пушкина не противником Руссо, а скорее напротив – странствующим членом философической «секты», льстящим свое самолюбие и тщеславие своих собратьев успехом их утопической проповеди у молодых, пылких и чувствительных русских студентов. Наступали другие времена...⁴²

⁴⁰ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1938. Т. I. С. 177.

⁴¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений. М., 1962. Т. VI. С. 211.

⁴² Идеи французских просветителей в николаевской России были совсем не в чести, в том числе и во мнении людей, хорошо помнивших екатерининское царствование. Так, например, в воспоминаниях Е.П. Яньковой (1768-1861), записанных ее внуком Д.Д. Благово, рисуется такой портрет князя В.М. Волконского: «Во дни его молодости, то есть в 1780-х годах, очень свирепствовал дух французских философов Вольтера, Дидерота и других. Брат князь Владимир очень любил читать, хорошо знал французский язык, а вдобавок у них в доме жил в дядьках какой-то аббат расстрига. Вот он смолоду и начитался этих учений, и хотя был умный и честный человек, а имел самые скотские понятия насчет всего божественного, словом сказать, был изувер не хуже язычника.» (Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подг. Т.И. Орнатская. Л., 1989. С. 138).

Интерес к Гримму в России второй половины XIX века

<33>

Интерес к Гримму возродился в России уже в эпоху «великих реформ» Александра II 1860-х – 1870-х годов, когда резко возрос интерес к истории екатерининского царствования. Этот интерес был тесно связан с возникновением и деятельностью Русского императорского исторического общества, основанного в 1866 г., и изданием его Сборника. Уже в 1868 г. во втором томе Сборника РИО А.Х. Бек, высокопоставленный чиновник российского МИДа, опубликовал неизвестный прежде текст Гримма, написанный в начале 1797 г. для Павла I, – «Историческую записку о происхождении и последствиях моей преданности императрице Екатерине II вплоть до кончины Ее Императорского Величества»⁴³. На Западе эта «Записка» стала известна лишь 9 лет спустя, когда Морис Турнё в 1877 г. перепечатал её в качестве введения к первому тому своего издания «Литературной корреспонденции» Гримма.

<34>

Главным событием этого периода российской судьбы Гримма стала публикация его частной переписки с Екатериной II: она началась в связи с разбором и изданием РИО бумаг императрицы, хранившихся в Государственном архиве. Однако после выпуска первых двух томов екатерининских бумаг издатель – академик П.П. Пекарский – скончался (1872), и подготовка третьего тома была поручена академику Я.К. Гроту. Грот был одним из не столь уж редких в XIX столетии ученых, филологических, лингвистических и исторических разыскания которых поражают нас сегодня своим размахом – от скандинавских языков до русской классической литературы. Полное критическое издание сочинений Державина, работы о Ломоносове, Карамзине, Крылове, Хемницере, русском языке петровской эпохи – таким в общих чертах был объем трудов Грота по русскому XVIII веку, позволивший ему в тот момент принять наследство Пекарского. В XIII томе Сборника РИО (1874) Грот опубликовал третью часть бумаг Екатерины, в состав которых включил шесть писем Екатерины Гримму за 1774 г.⁴⁴ Во введении к тому Грот сообщил читателям, что все письма императрицы к Гримму сохранились вполне в Государственном архиве и пообещал их издать в следующих выпусках Сборника. Примечательно, что в это время Грот имел весьма смутные представления о Гримме и только приступал к знакомству с его наследием, о чем свидетельствует фраза его комментария: «По-видимому, из писем Гримма не сделано извлечений в обширном сборнике, изданном под заглавием *Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot* (Paris, 1829-1831); 15 томов». Таким образом, Грот еще не успел заметить разницы между частными письмами Гримма Екатерине II и его «Литературной корреспонденцией». Затем в XXIII (1878), XXXIII (1881) и XLIV (1885) томах Сборника РИО Грот постепенно (по мере выявления) опубликовал всю

⁴³ Сборник РИО. СПб., 1868. Т. II. С. 17-63. Подробнее об этом тексте и его происхождении см. *Карл С.Я. Французские просветители и Россия*. С. 198-200.

⁴⁴ Сборник РИО. СПб., 1874. Т. XIII. С. 400-402, 407-410, 415-417, 429-432, 439-440, 447-448.

корреспонденцию Екатерины с Гриммом, во всяком случае все письма, о существовании которых ему стало известно. Кроме того, он всячески способствовал популяризации этой переписки, размещая о ней статьи в «Русском архиве», «Записках Императорской Академии наук», «Сборнике Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». Я уже не раз (в книге, отдельных статьях⁴⁵) подробно рассказывал об этих работах Грота и откликах на них за рубежом, поэтому не буду вновь останавливаться на этом сюжете. Между тем, издание частной переписки Екатерины II с Гриммом привлекло также внимание российской читающей публики.

<35>

Вполне естественно, что для русских читателей знакомство с этой перепиской стало прежде всего поводом высказать собственные суждения о екатерининском царствовании, о союзе Екатерины с «философами» и даже о судьбе реформ в России. Так, А.О. Смирнова-Россет (1809-1892), писательница и мемуаристка, близко знавшая и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и И.С. Тургенева, и братьев Аксаковых, в «Автобиографических записках» (вариант 3, не ранее 1880 г.), писала:

<36>

Теперь здесь вышла переписка Екатерины с Гриммом. Надо сказать несколько слов об этой вредной женщине. В чем состояло ее величие? Что такое величие при таких страшных преступлениях? [Далее – о первом манифесте Екатерины по вступлении на престол: «в нем сказано, что по просьбе Петра она берет на себя бремя правления». – СК] Это бремя несла Екатерина, кокетствуя умом с энциклопедистами, упиваясь похвалами, которые расточал перед ней безбожный Вольтер, Даламбер и Дидерот. Ее переписка с Гриммом здесь напечатана, и нельзя надивиться отсутствию чувства, хотя она беспрестанно говорит о своих внуках Александре и Константине <...>. Екатерина переводила Беккария, занималась правами человечества. Что такое права человечества? У размышляющего христианского человечества одно право: покорность; это не понравится нашим нигилистам, которые считают своей обязанностью отравлять всякий шаг своего государя динамитами⁴⁶.

<37>

Далее Смирнова обвиняет Екатерину в расширении крепостного права, в раздаче свободных крестьян своим приближенным в качестве рабов, в ограблении Церкви и раздаче ее собственности своим любовникам и фаворитам... Как мы видим, именно Екатерина, «кокетничающая» с философами, занимающаяся «правами человечества», и тем самым – вольно

⁴⁵ *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия. С. 200-219; *Он же.* Переписка Гримма с Екатериной II: публикации и источники // Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 1995. С. 52-65; *Karp S. avec la coll. de Iskioul S.* La correspondance entre Grimm et Catherine II: la longue histoire des manuscrits et des éditions // La Culture française et les archives russes / Éd. G. Dulac, Ferney-Voltaire, 2004. P. 85-96.

⁴⁶ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С.В. Житомирская. М., 1989. С. 130-131.

или невольно – провоцирующая бунтовщиков, а на самом деле жестокая крепостница, легко жертвующая интересами своего народа в угоду своему сладострастию, – вот образ, который является мишенью критики Смирновой. Grimm для нее – лишь пассивная фигура, служившая инструментом этого «кокетства».

<38>

После убийства Александра II и наступления реакции, настроения в русском обществе меняются. Из «Дневника» А.А. Половцова (1832-1909, статс-секретаря Александра III, государственного секретаря, мецената, одного из учредителей РИО, а с 1879 г. – его председателя) за 1885 г. мы узнаем, что переписка Grimma с Екатериной, а также «Литературная корреспонденция» Grimma обсуждались в его собственной переписке с К.П. Победоносцевым, причем оба не только читали «Литературную корреспонденцию», публикации Бека и Грота, но и были в курсе иностранных исследований о Grimme:

<39>

9 (ноября). Суббота. Получаю от Победоносцева записку: «Очень интересна вторая статья Шерера о Grimme в последней книжке «Revue des deux mondes».

Отвечаю немедленно: «Занимаясь Фальконетом, я прочитал всю переписку Grimma и Дидеро⁴⁷ и, признаюсь, что Шерер схватил лишь весьма узкую, так сказать индивидуальную сторону этих многочисленных, весьма интересных томов. Что касается до личности Grimma, то напечатанная в одном из наших томов⁴⁸ автобиографическая записка дает о личности Grimma гораздо более полное понятие. Это один из тех расчетливых искателей счастья, которые умеют эксплуатировать модные течения. В наш век он был бы адвокатом или железнодорожником, в середине XVIII в. он был *bel esprit* на содержании иностранных принцев. <...> Эти модные экзерциции должны были привести и, действительно, привели к весьма плачевному концу, как все напускное, не связанное с жизнью в настоящем ее смысле, жизнью, в которой сердце, мозг и желудок играют принадлежащие им роли. Лозунгом этих людей было отрицание, разрушение, хотя и в изысканной форме. Императрица Екатерина II понимала это и держала этих людей на золотых шнурках, подобно тому как римские вельможи держали при себе для увеселения говорунов; серьезного влияния на ее государственную деятельность они никогда не имели – вот чего французские писатели еще не понимают или в чем не хотят сознаться⁴⁹.

<40>

Примерно такую же характеристику Grimmu дал В.А. Бильбасов, опубликовавший в «Русской старине» в 1893 г. серию статей под названием «Екатерина II и Grimme», а затем выпустивший ее в

⁴⁷ То есть «Литературную корреспонденцию».

⁴⁸ Речь идет о публикации А.Х. Бека во втором томе Сборника РИО (см. выше).

⁴⁹ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. I. С. 379-380.

4-м томе своих «Исторических монографий» (1901): опираясь на сведения, почерпнутые в издании Грота, он упрекал Гримма в потоках лести, фальши, неискренности, меркантильности. Он даже утверждал, что обнародование этой переписки «погубило Гримма» в общественном мнении и «выставило его в крайне непривлекательном свете»⁵⁰.

<41>

Эта статья лишь намечает некоторые подходы к разработке указанной темы. Систематическое изучение прессы, эпистолярных источников, каталогов частных библиотек, вероятно, позволит составить более полную и объективную картину судьбы «Литературной корреспонденции» Гримма в России на протяжении XVIII–XIX веков. Однако, подводя предварительные итоги, уже сейчас можно сказать, что ее восприятие претерпело значительные изменения. Если для Екатерины II и ее современников подписка на «Литературную корреспонденцию» была важна как форма приобщения к достижениям европейской культуры эпохи Просвещения, то в дальнейшем представления о самостоятельной ценности этого памятника постепенно ушли в прошлое и он стал упоминаться главным образом в контексте общего негативного отношения к Просвещению как к идеологии, подготовившей Французскую революцию.

⁵⁰ Бильбасов В.А. Екатерина II и Гримм // Русская старина. 1893. Т. LXXVII. Кн. 3. С. 502.